

Гейр Фликке

Патриотический левоцентризм: зигзаги Коммунистической партии Российской Федерации в 1990-х годах*

Экстраординарное возрождение Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ) вызвало к жизни метафору о «красном Фениксе», восставшем из пепла однопартийного государства¹. После значительного раскола в конце 1980-х гг., потери электоральной монополии и, наконец, запрета на участие в постсоветской политической жизни Коммунистическая партия, по словам Лестера, стала набирать «все больше и больше сил» в постсоветской политике². Вопреки многим ожиданиям, партия вернулась в политику укрепленная преданными профессионалами, которые придерживаются рафинированной, «националистической» версии коммунистической идеологии и поддержку которым оказывает партия, имеющая, по мнению многих, лучшую структуру в России³. Имея в своем активе около 500 тысяч членов, КПРФ является единственной партией, которая, как утверждают российские политические обозреватели, заслуживает термина «массовая партия»⁴. Более того, мощные результаты голосования в Государственную Думу в 1993 и 1995 гг., на которых список КПРФ набрал 12,4% и 22,3% голосов соответственно, говорят о том, что партия преодолела бремя «безного-четвероногой» однопартийной системы и приспособилась к изменениям политического климата⁵. В отличие от намного более слабых организаций «вестернизированных» либералов, КПРФ удалось сохранить жесткую партийную дисциплину и достигнуть, по всей видимости, стабильного баланса внутри политического руководства. В конце 1990-х гг. партия была построена на коалиции между марксистскими реформаторами с одной стороны и теми, кого я называю «культурными

* Впервые опубликовано на английском языке в журнале *Europe-Asia Studies* (1999. Vol. 51. № 2). Хотя статья эта описывает события конца прошлого века, многие ее аспекты все еще остаются актуальными – прим. редакции.

¹ Эта метафора, в частности, используется в: Ishiyama J.T. Red Phoenix? The Communist Party in Post-Soviet Russian Politics // *Party Politics*. 1996. Vol. 2. № 2. P. 147-175; Lester J. Overdosing on Nationalism: Gennadii Zyuganov and the Communist Party of the Russian Federation // *New Left Review*. 1997. January. P. 34-53.

² Lester. Overdosing on Nationalism. P. 34.

³ Развал КПСС анализируется у: White S., McAllister I. The CPSU and Its Members: Between Communism and Postcommunism // *British Journal of Political Science*. 1996. Vol. 26. № 1. P. 105-122.

⁴ Интервью с Михаилом Карповым в Москве 5 марта 1997 года. Карпов был одним из инициаторов Демократической платформы КПСС, на момент интервью он был заместителем редактора *Независимой газеты*.

⁵ Эта фраза заимствована из: Sartori G. *Parties and party systems: A framework for analysis*. Cambridge, 1976. P. 39.

националистами» – с другой⁶. Лидером партии является культурный националист Геннадий Зюганов (р. 1944), который был наиболее сильным оппонентом президента Бориса Ельцина на президентских выборах 1996 года, получив 40% голосов во втором туре.

В чем секрет этого успеха? Растущее количество исследований о КПРФ предлагает ряд самых различных ответов. Большое внимание уделяется ключевой роли лидера, Зюганова, и его крайне оригинальной разновидности русской коммунистической идеологии⁷. Под флагом различных зонтичных патриотических организаций КПРФ создала популярный образ партии «патриотов» или же преданных защитников российской государственности и национальной идентичности, неотступно противостоящих президенту и правительству «предателей и пятой колонны»⁸. Лидер КПРФ настаивает, что «Русская идея» и коммунистическая идея имеют одинаковые культурные корни, и говорит об объединении «красных» социальных идеалов коммунистов и «белых» имперских идеалов русских эмигрантов в рамках теории о непрерывной целостности российской государственности⁹. Более того, как показывает Ишияма, партия омолодилась, если и не в смысле возраста, то, по крайней мере, в смысле воззрений. Сегодня КПРФ напомина-

⁶ КПРФ обычно разделяют на три отдельные фракции: левых националистов, марксистских реформаторов и сторонников возрождения марксизма-ленинизма, см. Urban J.B., Solovei V.D. *Russia's Communists at the Crossroads*. Oxford, 1997. Термин «левые националисты» можно оппорить на том основании, что, как показывает Саква, левые националисты подчеркивают скорее государственную («российскую»), чем этническую («русскую») идентичность многонациональной России, см. Sakwa R. *Left or Right? CPRF and the Problem of Democratic Consolidation in Russia* // *The Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 1998. January-June. P. 128-158. Кроме того, левые националисты рассуждают в терминах того, что Энтони Смит назвал «символично-культурными свойствами этнической идентичности». Они считают, что многонациональная Россия является продуктом этно-генезиса – сплавления различных этнических идентичностей в одну российскую идентичность. Это означает, что они необязательно наделяют русскую этническую идентичность примордиальным качеством, см.: Smith A. *National Identity*. L., 1991. P. 20. Вводя термин «культурный националист», я указываю на то, как зюгановская фракция представляет чаемую нацию в терминах внутрикультурной аргументации, сосредоточенной на общей истории, менталитете и противостоящих цивилизациях. Термин «государство» является лишь одним элементом этого подхода, отражением народного духа русской культуры. См. ниже более подробную дискуссию.

⁷ Среди прочих, этот подход используется в: Lester. *Overdosing on Nationalism*; idem. *Modern Tsars and Princes*. L., 1995. P. 212-243; Molchanov M.A. *Russian Neo-Communism: Autocracy, Orthodoxy, Nationality* // *The Harriman Review*. 1996. Summer. P. 69-79; Simonsen S.G. *Gennadiy Zyuganov: Hankering for the Good Old Days* // *Politics and Personalities*. PRIO Report. 1996. № 2. P. 197-217.

⁸ С 1992 года у объединенной лево-правой патриотической оппозиции было несколько наименований, но организационным ядром всегда была КПРФ. В 1992 году она возникла как Фронт национального спасения (ФНС), в 1994 году она называлась «Согласием во имя России», осенью 1994 года – «Русским рубежом», во время президентской кампании 1996 года – Блоком народно-патриотических сил, а с августа 1996 года – Народно-патриотическим союзом России (НПСР).

⁹ Зюганов часто подчеркивает, что революция в октябре 1917 года сохранила территориальную целостность России и, таким образом, использует в защиту действий большевиков основной аргумент «белых» сил в Гражданской войне, см. Зюганов Г. *Россия – Родина моя*. М., 1996. С. 219.

ет идеальный тип «программной партии», а именно партии преданных, но гибких «истинных верующих», политическое будущее которых зависит от партийной структуры и которые, таким образом, воздерживаются от компромиссов с конкурирующими политическими организациями¹⁰. Члены сегодняшней элиты КПРФ, как полагает Ишияма, являются людьми, которые предпочитают «коллективные» инициативы «выборочным» и которые желают приспособливаться к партийным требованиям. Следовательно, внутренний «цемент» КПРФ имеет намного более надежный характер по сравнению с иными, менее четкими электоральными структурами в российской политике. Третьим, но не менее важным фактором является – как считает Саква – тот факт, что новая КПРФ представляет собой организационный «остаток» Коммунистической партии Советского Союза (КПСС). Лидеры КПРФ выиграли от того, что запрещены были только высшие органы КПСС, в то время как низшие структуры не были затронуты. В восстановлении своей роли в постсоветской политике КПРФ извлекла огромную пользу от «остаточной» сети КПСС и на практике возникла как организационная наследница КПСС, хотя идеология и политическая тактика обеих партий имеют различия¹¹.

Как отмечают Ишияма и другие, индивидуальная и партийная реакция на политический климат является ключевой единицей анализа партийного поведения¹². В данной статье обсуждаются различные аспекты организационной и идеологической эволюции КПРФ под руководством Зюганова. Основываясь на теории Панебьянко, организационной деятельности КПРФ будет уделяться большее внимание, чем электоральной системе, в которой она функционирует, и интересам, которые она предположительно отстаивает¹³. Анализируя различные стадии внутренней эволюции КПРФ и ее реакцию на внешние условия парламентских и президентских выборов в 1995 и 1996 гг. соответственно, я показываю, что «адаптация» КПРФ к парламентской демократии остается неясной. КПРФ несомненно является двусмысленной политической силой в постсоветской российской политике, а также организацией, которая «делает зигзаги» между левоцентристской парламентской стратегией, которая включает в себя сотрудничество с режимом, и патриотической стратегией мобилизации против режима. Как убедительно продемонстрировал Саква, КПРФ эволюционировала во «внутрисистемную оппозицию, которая желает разделять правительственную ответственность в рамках существующей конституции, но в то же время осуждающую систему и ее политику»¹⁴. Более того, я показываю, что восстановление КПРФ под лозунгами культурного национализма является, скорее всего, стойким феноменом, благодаря сильным позициям Зюганова в системе КПРФ и «внешней сфе-

¹⁰ Ishiyama. *Red Phoenix?* P. 152-153, 169-170.

¹¹ Sakwa. *Left or Right?* P. 130, 147-148.

¹² Ishiyama. *Red Phoenix?* P. 151.

¹³ Panebianco A. *Political parties: organization and power*. Cambridge, 1988. P. 3-6.

¹⁴ Sakwa. *Left or Right?* P. 151.

ре» патриотической коалиции. Результат внутренних расколов в восстановленной Коммунистической партии говорит о том, что культурно-националистический подход был принят в качестве ориентира не только самой партией, но и объединенной оппозицией, в которой лидерство КПРФ по-прежнему является неоспоримым. В целом, в данной статье утверждается, что секретом истории успеха КПРФ является действенное сочетание инновационной эффективности в области национальной идентичности со стратегией «парламентаризации». С одной стороны, крупная фракция КПРФ в Государственной Думе является естественной выигрышной позицией для оформления «левоцентристской» силы – в качестве умеренной оппозиционной партии в двухпартийной системе. В парламентском контексте КПРФ четко обозначила свой плюралистический, модернизированный облик, а также свою поддержку парламентской стабильности, экономической модернизации и так называемого «сбалансированного развития». С другой стороны, КПРФ – посредством альянсом с непарламентскими организациями – оказалась лидером «непримиримой оппозиции», критикующим политику правительства под лозунгами культурного национализма. Эта синергическая комбинация левоцентристского (парламентского) и патриотического (анти-режимного) подходов отражается в уникальном объединении КПРФ и «внешней сферы» младших соперников Коммунистической партии и «патриотических» партий.

Возрождение КПРФ: 1993-1995 гг.

В результате краха КПСС возникла интенсивная борьба за остатки идеологической собственности марксизма-ленинизма. В начале 1992 года в этом идеологическом поле существовало, по меньшей мере, дюжина «квази-партий» – от пламенно нео-сталинистских до умеренно социал-демократических – заявлявших, так или иначе, права на обновленную и очищенную КПСС¹⁵. Наиболее заметными из них были радикальная Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП) под руководством Виктора Анпилова и Виктора Тюлькина и связанные с ней организации «Трудовая Россия» и «Трудовая Москва». Имея в своем активе 110 тысяч членов, РКРП и «Трудовая Москва» озвучивали массовое недовольство в отношении Советского Союза и запрета Коммунистической партии РСФСР президентским указом в ноябре 1991 года¹⁶. В 1992 году партия организовала несколько многочисленных демонстраций в Москве, требуя отставки Ельцина и отказа от капитализма. Среди наиболее ярких характеристик этой партии был яро-стный национал-большевизм. Сочетая плакаты с русскими святыми с портретами Ленина и Сталина, РКРП соединяла националистическую идеологию с идеей

¹⁵ Очерк о различных политических партиях см. в: Lentini P. Post-CPSU Communist Political Formations // The Journal of Communist Studies. 1992. Vol. 8. № 2. P. 280-292.

¹⁶ Подтверждение этих цифр см. в Sakwa. Left or Right? P. 131.

рабочей солидарности – эта комбинация известна как красно-коричневый национализм. Россия изображалась как антикапиталистический бастион, где Св. Георгий коммунизма по-прежнему сражался с драконом «еврейской олигархии»¹⁷.

В конце 1992 года революционная РКРП активно старалась заявить о себе как о наследнице КПСС и утверждала, что новая российская Коммунистическая партия должна быть построена на ее инфраструктуре. Однако этот призыв не был услышан коалицией между умеренными марксистами-реформаторами под руководством Валентина Купцова – Генерального Секретаря Коммунистической партии РСФСР и протеже Горбачева – и культурно-националистическим крылом под руководством Зюганова, который с октября 1992 года возглавлял коалицию левонационалистических и радикально анти-реформистских сил, формально известную как Фронт национального спасения (ФНС)¹⁸. Объединение фракций Купцова и Зюганова на восстановительном съезде КПрФ в начале 1993 года преградило путь к власти ортодоксально марксистско-ленинскому крылу и поставило в руководство тех, кто поддерживал конституционную линию политической борьбы. В 1992 году Купцов четко подчеркивал необходимость дождаться решения Конституционного суда о законности президентских указов о запрете остатка КПСС – Коммунистической партии РСФСР – чтобы получить законное основание для партийной деятельности. Более того, фракция Купцова также поддерживала идею умеренной экономической модернизации и остерегалась бюрократического централизма, призывая КПрФ к формированию альянса с центристскими и социал-демократическими блоками и партиями, подготавливая, таким образом, платформу для «созидательного марксизма»¹⁹. Тем не менее, избрание Зюганова председателем возрожденной партии продемонстрировало, что партийному руководству была известна сила националистической риторики. Действительно, основной целью съезда было завладеть как можно бóльшим идеологическим коридором, что подразумевало включение откровенно правых элементов в коммунистическое движение постсоветской России²⁰. Этому способствовало введение двойного председательства Зюганова – модели политической организации, которая смягчала внутренние противоречия между различными коммунистическими соперниками и сохраняла, по крайней мере, видимость единства перед общим врагом. Благодаря Зюганову, в дискурс КПрФ вошла культурно-националистическая политическая риторика о «нас» и «них» – патриотах и защитниках суверен-

¹⁷ Дальнейшую дискуссию о введении религиозных образов в культурно-националистическом неоконмунизме см. в Lester. *Overdosing on Nationalism*. P. 51-53.

¹⁸ Urban, Solovei. *Russia's Communists at the Crossroads*. P. 55. ФНС должны были запретить почти сразу после его образования, но, по всей видимости, в президентском аппарате наблюдалось сильное противодействие президентскому указу. Более того, Ельцин откладывал подписание указа, ожидая результатов декабрьского съезда – возможно, из-за протестов со стороны его «центристских» союзников из «Гражданского союза» – и указ был отозван в начале 1993 года, см. *Независимая газета*. 1993. 22 января.

¹⁹ Urban, Solovei. *Russia's Communists at the Crossroads*. P. 51.

²⁰ Остапчук. А. Левые всех оттенков – объединяйтесь! // *Независимая газета*. 1992. 9 декабря.

ной Российской империи с одной стороны и «бандитах» и врагах государства – с другой. КПРФ стала рупором широкого оппозиционного фронта, который назывался «русским сопротивлением», где ударение ставилось на этноцентрическое понимание «русскости». По мнению Зюганова, на страну обрушился апокалиптический «момент истины». Этот момент истины, как он утверждал, требовал объединения всех творческих оппозиционных сил в рамках неидеологического и не-институализированного блока «спасителей Родины». По выражению Зюганова, момент истины состоял, прежде всего, в том, что борьба шла не между демократами и консерваторами, а между «истинными патриотами» и «партией предателей»²¹.

Идентификация «большой партии» истинных и преданных патриотов стала особенно насущной, когда речь зашла о подтверждении целостности коммунистических ценностей²². Действительно, благодаря «патриотической коалиции», руководство КПРФ смогло воспользоваться такими важными элементами коммунистического режима как идеологическая пропаганда, народная мобилизация и личная преданность. Вместе с тем отвергался «карьеризм», а также отстраненная и манипуляционная ментальность прежней системы – качества, которыми «подлинными коммунисты» наделяли Горбачева, Яковлева и Ельцина.

Более того, ФНС был для КПРФ рупором, который не был связан с советским наследием однопартийной системы и который был обращен как к «российскому», так и к «советскому» народу. Таким образом, обновленная КПРФ избежала прямой ассоциации с советским прошлым, но сохранила контроль над организационной сетью КПСС. Что касается ФНС, то он никогда не намеревался быть политической партией – его декларация в виде брошюры не обладала характеристиками партийной программы. Напротив, она была заполнена внутренними противоречиями, и, казалось, что ее целью была мобилизация как можно большего количества социальных, политических и национальных идей. «Национальное спасение» обозначало спасение «России», «СССР», «нашей Родины», «нашего Отечества», «нашей страны» и прочего. Единственным объединяющим принципом были понятия «целостности государства», «духовного наследия Родины» и внешнего врага. Как предсказывалось в статье «Мы – русское сопротивление», результатом политического курса Ельцина станет полное разрушение экономики страны и создание откровенно антинародного союза тех сил, которые вместе с Ельциным видят первоочередное условие установления собственной неограниченной власти в ликвидации единого, мощного российского государства²³.

²¹ Слово лидера // День. 1992. 27 сентября – 3 октября.

²² Как предположил Роуз, ценности могли пережить институционные планы. Двойная организация КПРФ и «внешней коалиции» является особым случаем в исследовании того, как ценности «транспортируются» в видоизмененную политическую обстановку, см. Rose R. Ex-Communists in Post-Communist Societies // The Political Quarterly. 1996. Vol. 67. № 1. P. 14-25.

²³ Мы – русское сопротивление // День. 1992. 27 сентября – 3 октября.

Понятие государственного патриотизма и широкой лево-правой оппозиции было мощным инструментом создания «винегрета» из различных коммунистических и националистических партий. Призывая к созданию альянса между Православной церковью, интеллигенцией и всеми политическими партиями, находящимися в оппозиции к Ельцину, Зюганов намеренно выбрал широкий подход к политической борьбе, схожий с тем, который избрали послевоенные коммунистические партии в Центральной Европе²⁴. Этот подход, а также восстановление КПРФ в феврале 1993 года, создало важный «стадный эффект». Центральная роль КПРФ в рядах оппозиции вывела ФНС за узкие рамки московского Садового кольца, в результате чего создалось впечатление, что ФНС является перспективной всенародной анти-реформистской силой. Вопреки отсылкам Зюганова к «большой партии», существовали признаки того, что КПРФ стремилась к доминирующей позиции в патриотической коалиции. Через некоторое время после восстановительного съезда руководство КПРФ попыталось вывести коммунистический активизм за рамки улиц и подчинить наиболее радикальные уличные партии стратегии КПРФ. Первомайские столкновения между активистами РКРП и силами Министерства внутренних дел привели к принятию в мае 1993 году декларации, в которой руководство КПРФ предостерегло против чрезмерного использования уличных митингов и провокационных действий, которые могли бы поставить под угрозу целостность Российской Федерации²⁵.

Однако на том этапе КПРФ была, очевидно, не в состоянии подкрепить свои заявления чем-то весомым. Поэтому во время эскалации конфликта между исполнительной властью и Верховным Советом Съезда народных депутатов, руководство КПРФ оказалось в довольно двусмысленном положении. Желая, с одной стороны, оставаться в рамках конституционного порядка, КПРФ по-прежнему хотела сохранить позицию лидера объединенной лево-правой оппозиции. Следовательно, когда произошло финальное столкновение исполнительной и законодательной ветвей власти в октябре 1993 года, Зюганов совершенно не знал, стоит ли ему поддерживать Верховный Совет и Александра Руцкого. Только позднее, в 1994 году, он, по-видимому, определился и предположил, что иностранные государства применили в России технологию развала страны. Учитывая колоссальное психологическое давление на Хасбулатова и Руцкого, утверждал он, их призывы к вооруженному противостоянию были «объяснимыми»²⁶. Но, в независимости от того, что Зюганов думал о нервном состоянии лидеров оппозиции, октябрьские события и последующая победа откровенно националистических сил

²⁴ Urban, Solovei. *Russia's Communists at the Crossroads*. P. 73-75.

²⁵ Ibid. P. 75. Урбан и Соловей подчеркивают «легальную» стратегию КПРФ относительно событий в октябре 1993 года. Однако Зюганов представил специфическую интерпретацию майской декларации о политическом экстремизме, ссылаясь на нее как на декларацию против «государственного экстремизма» исполнительной власти, см. Зюганов Г. В ближайшее время мы сформируем команду управленцев, обнародуем ее состав и программу // Независимая газета. 1994. 4 ноября.

²⁶ Там же.

на выборах в Государственную Думу в 1993 году все равно толкали культурно-националистическое руководство и саму КПРФ в левоцентристском направлении. Поэтому на сессии «выученных уроков» 26 октября 1993 года, руководство КПРФ приняло решение легально участвовать в выборах в Государственную Думу 1993 года, где она получила 12,4% голосов²⁷. Более того, после роспуска ФНС Зюганов оперативно перегруппировал отдельные части бывшей левой и правой оппозиции, создав движение «Согласие во имя России». В открытом письме, опубликованном в марте 1994 года и подписанном, в частности, самим Зюгановым, бывшим вице-президентом Александром Руцким, бывшим председателем Конституционного суда Валерием Зорькиным, председателем Аграрной партии Михаилом Лапшиным и аналитиком «Горбачев-фонда» Александром Ципко, движение «Согласие во имя России» предстало в качестве новой, ассоциированной с КПРФ зонтичной организации, но теперь уже в рамках левоцентристской оппозиции²⁸. Говорилось, что движение открыто для всех граждан «многонациональной России», а его лидеры подчеркивали необходимость уважения к закону и порядку, творческой деятельности «во имя Отечества». Как указывалось в письме, целью движения было национальное согласие и консолидация общества, и далее акцентировалась необходимость реконструкции страны в соответствии с тысячелетней традицией российской государственности.

Примечательно, что открытое письмо подразумевало риторическое смещение с прежнего акцента с этнической идентичности «русский» в гражданскую модель «российский». Безусловно, возникновение «Согласия во имя России» означало конец прошлого лево-правого альянса с ФНС.

Появление этого движения соответствовало процессу распространения центристских идеалов на различных уровнях российского политического общества. Весной 1994 года концепция «национального согласия» появилась в рамках разнообразных дискуссий о защите новых конституционных норм и постепенного развития правового процесса и экономической трансформации. В журнале *Свободная мысль* аналитики, связанные с «Горбачев-фондом», писали о поиске формулы национального согласия для преодоления «политической разобщенности общества, хаоса и анархии»²⁹. Главными принципами были названы: деидеологизация политики, отказ от разделения политического общества на «красно-коричневых националистов» и «демократов», а также разработка единой политики интеграции СНГ вкупе с «евразийской» линией во внешней политике. Также рекомендовалось общее замедление радикальных экономических реформ, хотя рыночная экономика и либерализм не рассматривались как нечто несовместимое.

²⁷ Урбан Дж.Б., Соловей В.Д. Коммунистическое движение в постсоветской России // *Свободная мысль*. 1997. № 3. С. 14-28.

²⁸ *Согласие во имя России* // *Советская Россия*. 1994. 19 марта.

²⁹ Алексеева А., Городецкий А., Гусейнов А., Межуев В., Толстых В. Центристский проект для России // *Свободная мысль*. 1994. № 4. С. 3-15.

мое с российским «культурно-цивилизационным типом развития»³⁰. Что касается политического плюрализма, то этот проект был явственно государственно-центричным и отвергал узкие групповые и партийные интересы до такой степени, что широкомасштабная демократизация считалась несовместимой с российской национальной идентичностью. Для достижения внутренней стабильности, говорилось в заключении проекта, должна быть создана двублоковая система. Это следовало сделать в соответствии с «центристским» взглядом на мир, который в проекте определялся как метафизически и онтологически связанный с идеей государственности: сохранение российской общественно-исторической, национальной и культурной идентичности. По мнению авторов, Россия не знает и не имеет глубокой традиции парламентской демократии и межпартийной борьбы, а центризм в России появился не в результате развития политических партий и не как средство политической борьбы, но в процессе решения «жизненных» вопросов существования, таких как проблема российской государственности³¹.

Избрание на пост председателя Государственной Думы Ивана Рыбкина, бывшего лидера российских коммунистов и члена президиума КПРФ (до его исключения в марте 1994 года), стало явным указанием на общий консенсус в новоизбранном законодательном органе. Во время тайного голосования в Думе 47-летнему дипломату противостоял 58-летний Юрий Власов, бывший олимпийский чемпион по тяжелой атлетике и потенциальный лидер левых и правых оппозиционных сил в Думе. Рыбкина избрали 223 голосами «за», а Власов получил лишь 23 голоса³². В инаугурационной речи Рыбкин моментально ввел в обращение фразу «мы обречены на согласие». Он отверг понятие этноцентрического «русского менталитета» оппозиции и говорил о наднациональной идентичности, заложенной в общей истории российского государства («российский менталитет»)³³. Как утверждал Рыбкин, эта ментальность подразумевала народную толерантность и терпение – факт, который якобы подтверждало участие простого российского народа в декабрьских выборах. Теперь необходимо было извлечь уроки из недавнего прошлого, считал Рыбкин. Курс реформ следовало исправить, а «революционным переменам и радикальным экономическим экспериментам» следовало было положить конец³⁴. Идеальным для России, продолжал он, является не «статус сверхдержавы», а социал-демократическое национальное государство: «Строим мы справедливую, надежную, гордую, независимую Россию. Если мы переведем это на язык европейский, то назовем это социализмом. Каким социализмом? Возможно, шведским вариантом»³⁵.

³⁰ Там же. С. 23.

³¹ Там же. С. 13.

³² Государственная Дума. Стенограмма заседаний. М., 1994. С. 192.

³³ Рыбкин И. Мы обречены на согласие. М., 1994. С. 96.

³⁴ Там же. С. 96.

³⁵ Там же. С. 129.

Тем не менее, между членами движения «Согласия во имя России» были явные разногласия по поводу того, что именно обозначал «левоцентристский» подход. Зорькин подчеркивал, что движение было вдохновлено общим настроением национального согласия, возникшим после февральского голосования в Государственной Думе об амнистии всем участникам путчей 1991 и 1993 гг. и что движение должно мобилизовать всех патриотов и граждан на восстановление «потерянной России». К этому Зюганов добавлял, что новое движение «не намеревалось совершить последний бросок на Юг»³⁶. В какой-то момент казалось, что даже обсуждалось включение представителей оппозиции в правительство³⁷. Однако другие члены КПРФ утверждали, что целью нового движения было обеспечение традиционной коммунистической поддержки забастовкам и рабочим движениям. В действительности, вопреки примирительному подходу «Согласия во имя России», фракция КПРФ в Думе начала нападки на Конституцию 1993 года и высказывалась за отмену института президентства³⁸. В целом события 1993-1994 гг. спровоцировали интересный сдвиг: в то время как внешняя коалиция оппозиции заняла более примирительную позицию, структура КПРФ, казалось, усвоила взгляды националистической оппозиции. Весной 1994 года КПРФ, по-видимому, никак не была готова принять идею «большой партии», как это произошло с восточноевропейскими социал-демократическими партиями реформированных марксистов³⁹. Наоборот, среди попыток добиться расположения руководства КПРФ, на уровне рядовых коммунистов превалировал курс на дальнейшее сопротивление. На всероссийском собрании КПРФ, прошедшем на юбилей дня рождения Ленина (23 апреля 1994 года), КПРФ приняла программу радикального минимума, которая, в частности, призывала провести референдум по новой конституции, восстановить советы и народную власть советского типа, отменить соглашение об СНГ и остановить клевету в адрес Ленина и пропаганду американизма и западничества⁴⁰. Прислушиваясь к массовым протестам рядовых членов партии, Зюганов выразил протест тому, что он назвал попыткой «спеленать» оппозицию, и отказался подписывать большое соглашение о «Гражданском согласии», принятое в мае 1994 года – позже он назвал его «фиговым листком президентской диктатуры»⁴¹. Партийная дисциплина реализовывалась эффективно: когда член

³⁶ Сегодня. 1994. 18 марта.

³⁷ Зимой 1994 года эксперты обсуждали правительство Черномырдина на семинаре, который прошел в «Горбачев-фонде». Александр Ципко, подписант документа «Согласие во имя России», недвусмысленно заявил, что Зюганов и Лапшин поддержали создание стабильного правительства под руководством Черномырдина, см.: Успех Черномырдина: контрреволюция или стабилизация? // Независимая газета. 1994. 24 февраля.

³⁸ Сегодня. 1994. 8 февраля.

³⁹ Как показал Роуз, восточноевропейские посткоммунистические страны сформировали «большие партии» реформированного социал-демократического направления. Это означает, что руководство придерживалось преимущественно «непрограммной» тактики и ценностей, см.: Rose. Ex-Communists in Post-Communist Societies. P. 14-15.

⁴⁰ Сегодня. 1994. 26 апреля.

⁴¹ III съезд Коммунистической партии Российской Федерации. М., 1995. С. 16.

фракции КПРФ Валентин Ковалев был назначен Министром юстиции в январе 1995 года, он был немедленно исключен из думской фракции КПРФ, так как он не согласовал свои действия с руководством партии⁴².

Оппозиционные взгляды КПРФ и ее культурно-националистического руководства стали препятствием в реализации центристских амбиций по созданию двухблоковой системы. Когда в апреле 1995 года стала распространяться ельцинская версия «центристской» двухблоковой системы, КПРФ не рассматривалась в качестве возможной поддержки правительства в парламенте. Напротив, Ельцин призывал премьер-министра Виктора Черномырдина и на тот момент уже бывшего члена КПРФ и председателя Государственной Думы Ивана Рыбкина возглавить правоцентристский и левоцентристский блоки соответственно. В то время как блок Черномырдина быстро набрал силу, блок Рыбкина распался еще на стадии формирования, отчасти по причине публикации президентской администрацией крайне спорного меморандума о введении двухблоковой системы для стабилизации российского политического общества. Меморандум призывал установить «партию власти» под руководством либо президента, либо «президентского единомышленника» для того, чтобы обеспечить большинство «вменяемых» депутатов в Государственной Думе⁴³. Под «вменяемыми» авторы меморандума подразумевали сторонников Конституции и реформ, а также депутатов, которым в целом был присущ неидеологический прагматизм⁴⁴. Как и следовало ожидать, оппозиционная КПРФ высмеивала президентскую инициативу, называя ее «административной демократией сверху», и отвергала двухблоковую систему, которую коммунисты окрестили ельцинским «двуглавым орлом» или же блоками «Рыбкомырдин» и «Чернорыбкин»⁴⁵.

Представляется очевидным, что КПРФ, избрав стратегию последовательной оппозиции, удалось сохранить и развить особую партийную идентичность и избежать организационного распада. В то время как движение «Согласие во имя России» оказалось недолговечным в силу внутреннего конфликта между кандидатами в президенты, КПРФ была успешной в борьбе за статус единственной серьезной наследницы КПСС. Осенью 1994 года Зюганов уже мог победоносно объявить, что на левом фланге есть только две партии: КПРФ и РКРП (Анпилов). По мнению лидера коммунистов, остальные силы были не партиями, а группами⁴⁶. Более того, в партийной программе, принятой на съезде КПРФ в январе 1995 года, коммунисты смело заявили, что КПРФ ведет генеалогическую линию

⁴² В исключении Ковалева было что-то ритуальное, так как он никогда формально не был членом КПРФ, а был беспартийным. См.: Федеральное собрание России. М., 1995. С. 366.

⁴³ Двублоковая терапия // Независимая газета. 1995. 20 мая.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Завтра. 1995. 19 мая.

⁴⁶ Зюганов. В ближайшее время.

от Российской социал-демократической рабочей партии до КПСС и Коммунистической партии РСФСР⁴⁷.

Что касается других, более мелких партий и групп в коалиции левых и правых оппозиционных сил, как, например, Аграрная партия (АПР) под руководством Лапшина (р. 1934), «Держава» под руководством Руцкого (р. 1959) и Российский общенародный союз (РОС) Сергея Бабурина (р. 1959) – ни одной из них не удалось создать организационно стабильные структуры. Потенциально наиболее сильная из этих групп, а именно АПР, была, прежде всего, электоральной партией, в которой доминировали «претенденты на государственную должность»; она в значительной степени утратила доверие к себе как к оппозиционной партии в 1994-1995 гг.⁴⁸ Членами партии были два министра в правительстве Черномырдина (заместитель премьер-министра Александр Заверюха и министр сельского хозяйства Александр Назарчук). Сама партия в целом менее негативно относилась к сотрудничеству с правительственными структурами. После выборов 1995 года АПР считалась региональным отделением КПрФ. Ей не удалось преодолеть 5-процентный электоральный барьер, и ей пришлось «взять в аренду» депутатов-коммунистов из КПрФ, чтобы продолжить существование в качестве парламентской фракции⁴⁹.

Несмотря на отказ от прямого участия в правительстве, Зюганов по-прежнему сохранял имидж руководителя политически ответственной партии. В 1994 году, после одного из частых диалогов с премьер-министром он назвал президента и его команду в правительстве «внутренними врагами», а в других членах правительства Черномырдина он увидел подходящих партнеров. Зюганов отметил, что в России не одно правительство, а два, и что между Черномырдиным и КПрФ было некоторое взаимопонимание относительно курса реформ. Главным камнем преткновения, считал лидер КПрФ, было отношение к ельцинскому режиму или президентству. Зюганов утверждал, что правительство Черномырдина контролировало лишь две трети министерств, а ельцинское правительство пишет указы, которые противоречат Конституции и никем не выполняются, а также контролирует силовые министерства⁵⁰.

⁴⁷ III съезд Коммунистической партии Российской Федерации. С. 115.

⁴⁸ Ishiyama. Red Phoenix. P. 164-167.

⁴⁹ Российская Государственная Дума имеет сложную организацию. Депутаты могут образовывать фракции на основе партий, преодолевших 5-процентный барьер [на 1999 г. – прим. редакции], и/или «депутатские группы» из не менее 35 депутатов. В соответствии с думскими правилами, фракции и группы имеют равный статус. В начале работы Государственной Думы в 1996 году у АПР было 20 депутатов, избранных в мажоритарных округах. «Позаимствовав» восемь депутатов у КПрФ и заручившись поддержкой семи беспартийных депутатов, АПР сформировала «депутатскую группу». Подробнее об организации Думы см.: Remington T.F., Smith S.S. The Development of Parliamentary Parties in Russia // Legislative Studies Quarterly. 1995. Vol. 20. № 4, 1995. P. 457-489 и Ostrow J.M. Procedural Breakdown and Deadlock in the Russian State Duma: The Problems of an Unlinked Dual-channel Institutional Design // Europe-Asia Studies. 1998. Vol. 50. № 5. P. 793-816.

⁵⁰ Зюганов. В ближайшее время.

В целом можно сказать, что «восхождение во власть» КПРФ в период от восстановительного съезда до начала 1996 года никоим образом не было указанием на то, что партия развивалась в социал-демократическом направлении. Как предположил Саква, только лишь адаптация к традициям парламентской политики не свидетельствовала об успешной трансформации КПРФ и социализации ее политической элиты в рамках либеральной демократии⁵¹. Что казалось типичным для двойной структуры, состоящей из ядра КПРФ и внешней сферы непримиримой оппозиции, так это то, что она позволяла лидеру КПРФ менять свою риторику в зависимости от того, в чьей «кепке» он был в тот или иной момент – внепарламентской оппозиции или фракции КПРФ в парламенте. Зюганов называл эти две сферы влияния «парламентской» и «внепарламентской» работой. На съезде КПРФ в январе 1995 года он заявил, что для коммунистов Федеральное собрание является не только ареной законодательной работы. Оно также было трибуной, средством укрепления партийных структур и школой, в которой партия может получить опыт управления и почувствовать «пульс страны»⁵². С другой стороны, КПРФ должна выполнять «внепарламентскую работу» в патриотической коалиции, посредством которой партия готовилась возглавить массовые движения. Зюганов утверждал, что его партия решительно поддерживает ту идею, что в случае определенного поворота событий или в том случае, если режим станет чрезмерно «диктаторским и репрессивным», различные формы массовых демонстраций будут играть решающую роль⁵³. Во время президентских выборов 1996 года эти противоречия стали еще более очевидными.

Президентские выборы: прощание с «левоцентризмом»

В начале 1996 года у Зюганова не было серьезных конкурентов в вопросе номинации кандидата в президенты от патриотического лагеря. После нескольких боев за поддержку со стороны внешнего «патриотического» поля Зюганов присоединился к предвыборной гонке в марте 1996 года в качестве единственного представителя объединенной оппозиции и предложил идею умеренной экономической модернизации и непреклонно патриотической оппозиции во внешней политике⁵⁴.

Это ни в коем случае не обозначает, что путь, приведший к номинации, был простым и прямым. Президентские выборы 1996 года поставили КРПФ перед

⁵¹ Sakwa. *Left or Right?*. P. 144-145.

⁵² III съезд Коммунистической партии Российской Федерации. С. 17.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Блок народно-патриотических сил поддержали представители 25 патриотических левых групп, включая лидера РП Михаила Лапшина и руководителя блока «Власть – народу!» Николая Рыжкова. Позже присоединились другие патриотические группы, такие как «Трудовая Москва» Виктора Анпилова, Российская коммунистическая рабочая партия и РОС Сергея Бабурина. См.: OMRI Daily Digest. 1996. 6 March.

серьезной дилеммой. Стремясь получить статус защитницы народа от ельцинской «диктатуры», КПРФ твердо выступала против введения президентства в России на том основании, что оно нарушало демократические принципы и вело к обострению политического конфликта в стране. Как Зюганов заявил в январе 1995 года, коммунисты были против введения поста президента и указывали на тот факт, что в многонациональном федеральном государстве он не будет иметь стабилизирующее действие, а станет источником бесконечных конфликтов и тирании – фактором, который усиливает деструктивные процессы⁵⁵. Эту позицию также поддержали в КПРФ. И действительно, уже в марте 1996 года Геннадий Селезнев, новоизбранный председатель Государственной Думы от КПРФ, на ежемесячной встрече с Ельциным предложил изменить Конституцию и отменить пост президента в 1997 году, а также предположил, что многие партии поддержат решение не проводить выборы в 1996 году⁵⁶. На этом фоне участие в выборах лидера КПРФ представлялась явным противоречием. Как КПРФ могла одновременно поддерживать отмену поста президента и предлагать кандидатуру на этот пост? Если более внимательно взглянуть на внутреннюю деятельность партии, то можно увидеть, что КПРФ уже давно была готова к продвижению кандидата в президенты из своих рядов. С 1994 по 1995 гг. в программе-минимум КПРФ произошли интересные изменения. Если программа-минимум в апреле 1994 года требовала установления «правительства народного доверия», которое было бы подотчетно Федеральному собранию, в программе от 1995 года говорилось о подотчетности «правительства народного доверия» «высшей представительной власти в стране»⁵⁷. Другими словами, КПРФ, по всей видимости, осознала, что стремление получить власть правительства должно быть связано с кандидатом в президенты со стороны партии. Более того, в рамках избирательной кампании КПРФ снова могла воспользоваться двойной структурой политической организации, введенной Зюгановым. Интересно, что кандидатура Зюганова была выдвинута не КПРФ, а «объединенной оппозицией». Следовательно, лидер КПРФ участвовал в президентской гонке не как «тень коммунистического прошлого», а как представитель «новой» политической альтернативы. Следуя этой стратегии, представители КПРФ вложили огромные усилия в то, чтобы подчеркнуть «демократический» характер КПРФ как члена коалиции. Руководители аппарата КПРФ утверждали, что, хотя они и не поддерживают автократические тенденции, в партии считали, что избрание президентом «патриота» является делом исторической необходимости. Как утверждал в феврале 1996 года Купцов, заместитель председателя Центрального комитета КПРФ, перед Россией стоял жестокий выбор: либо левым силам удастся законно отстранить нынешний режим от власти, либо разрушительные процессы в стране примут необратимый характер⁵⁸. Придавая

⁵⁵ III съезд Коммунистической партии Российской Федерации. С. 15.

⁵⁶ OMRI Daily Digest. 1996. 6 March.

⁵⁷ III съезд Коммунистической партии Российской Федерации. С. 112; Сегодня. 1994. 26 апреля.

⁵⁸ Независимая газета. 1996. 16 февраля.

особое значение необходимости единства левых и правых, Купцов четко дал понять, что КПРФ не является партией прошлого: Зюганов был народным кандидатом, а у КПРФ не было намерений монополизировать власть. Этот двойной механизм позволил парламентской фракции КПРФ продолжать подчеркивать свой «левоцентристский» и «парламентский» характер. Как заявил Селезнев, председатель Думы, коммунисты не были «номенклатурной партией», так как они не хотели повторять горьких ошибок прошлого⁵⁹. «Модернизированная» КПРФ поддерживает многопартийную систему и социалистические ценности, говорил Селезнев и уверял, что модель «шведской социал-демократии» является наиболее популярной в партийных кругах. Однако здесь ему было интересно отметить особенности скорее советской, чем шведской модели, поэтому он предполагал, что в шведской модели очень много того, что было лучшего в Советском Союзе⁶⁰.

Тем не менее, существует несколько указаний на то, что в то время «левоцентристский» имидж КПРФ был ничем иным, как политической стратегией. Наиболее преданного «левоцентриста» в КПРФ, Рыбкина, изгнали из президиума в апреле 1994 года, а позже рядовые члены партии критиковали, среди прочих, Зюганова за слишком «сговорчивые» отношения с Рыбкиным⁶¹. Более того, его даже просили «доложить о деятельности Рыбкина» участникам встречи, которые считали последнего предателем коммунистического дела⁶². Хотя самому Зюганову было свойственно некоторое увлечение «скандинавской моделью» многоукладной экономики и «устойчивого развития» и он тепло отзывался о бывшем норвежском премьер-министре Гру Харлем Брунтланн, он подчинял все подобные приоритеты своему видению России как супердержавы и необходимости сохранения государственной безопасности⁶³. Кроме того, члены КПРФ, по-видимому, не были убеждены в том, что «центристская» двублоковая система станет устойчивым явлением в российской политике. Например, Селезнев считал разговоры о лево-правом центре чем-то пустым и искусственным и считал «центр» «болотом»⁶⁴.

Таким образом, чтобы понять «левоцентристский» имидж КПРФ, следует обратиться к способности Зюганова сочетать «парламентскую» и «внепарламентскую» деятельность. Школа парламентской демократии была предназначена для усиления внепарламентской патриотической оппозиции. В этом контексте «левоцентризм» обозначал то, что КПРФ будет воздерживаться от претензий на какую-либо исключительную роль в коалиции патриотических сил и будет подчиняться общей патриотической стратегии. Более того, идеологическое «тыловое подкреп-

⁵⁹ Независимая газета. 1996. 19 января.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Многие коммунисты недовольны своим лидером // Независимая газета. 1995. 21 февраля.

⁶² III съезд Коммунистической партии Российской Федерации. С. 66.

⁶³ Зюганов. Россия. С. 125.

⁶⁴ Независимая газета. 1996. 19 января.

ление» коалиции, поддержавшей Зюганова, пришло с другой стороны. Следует отметить, что инициативная группа, которая содействовала продвижению Зюганова, возникла не из КПРФ и не из так называемой «патриотической коалиции», а из культурно-националистического аналитического центра «РАУ-Корпорация», который издал несколько томов о важности России как геополитической сверхдержавы и самодостаточной экономической и культурной системы⁶⁵. Только 30 из 200 участников инициативной группы были членами КПРФ⁶⁶, а саму группу возглавлял представитель РАУ Алексей Подберезкин, который с апреля 1995 года был близким коллегой Зюганова. На основе этого альянса с Зюгановым и КПРФ Подберезкин избирался от КПРФ на выборах в Думу 1995 года и получил место в парламенте, а также пост заместителя председателя Комитета по иностранным делам⁶⁷.

Рекомендации инициативной группы смягчить антикапиталистическую риторику и начать серьезную работу по созданию альянсов с представителями частных банков, естественно, находились в противоречии с программой КПРФ, в которой говорилось о защите интересов рабочего класса, рабочих крестьян и интеллигенции и о противостоянии «первобытному и варварскому капитализму»⁶⁸. Тем не менее, руководство КПРФ прислушалось к рекомендациям инициативной группы культурных националистов на фоне слабых протестов⁶⁹. После публикации экономической программы предвыборного альянса, заместитель председателя Центрального комитета КПРФ Купцов отметил, что подход КПРФ к экономическим вопросам был не таким широким как у патриотического блока⁷⁰. Однако это заявление было несколько не к месту, учитывая тот факт, что у КПРФ не было экономической программы отдельной от той, которая была представлена коалицией.

Это не было концом неопределенностей между КПРФ и патриотической коалицией. Когда экономическая программа Зюганова, наконец, появилась в мае 1996 года, она была напечатана в двух различных версиях: одна появилась в ин-

⁶⁵ Среди работ «РАУ-Корпорации» можно выделить *Россия сегодня, реальный шанс* (М., 1994) и *Современная русская идея и государство* (М., 1995). Так называемые исследования «Корпорации» вдохновлены анти-западническими идеями и теориями заговора, такими как, например, предположение, что «гарвардские интеллектуалы» поддерживали воинствующих атеистов Троцкого и Бухарина в разрушении ими русской духовности, см.: *Россия сегодня*. С. 100.

⁶⁶ Urban, Solovei. *Russia's Communists at the Crossroads*. P. 168.

⁶⁷ На парламентских выборах 1995 года «РАУ-Корпорации» была представлена возможность внести в список КПРФ семь имен. Оценку роли и идей Подберезкина см. в: Podberyozkin: *Communist and/or Nationalist // Moscow News*. 1997. № 30.

⁶⁸ Независимая газета. 1996. 9 февраля. Действительно, Зюганов всякий раз неясно выражался относительно капитализма и классовых интересов и говорил лишь о некапиталистической социо-экономической и политической системе близкой к национальному духу народа, элементом которой классовая борьба не была. См. Зюганов Г. *Россия и современный мир*. М., 1995. С. 54.

⁶⁹ III съезд Коммунистической партии Российской Федерации. С. 96.

⁷⁰ Экономическая программа Зюганова до сих пор не обнародована // Независимая газета. 1996. 22 мая.

теллектуальной и либеральной Независимой газете за подписью Зюганова, другая – в более консервативной и популистской Советской России, где ее поддержала КПрФ и внешнее поле коалиции⁷¹. Зюгановская версия была обращена к интеллигенции и международному сообществу; для объяснения кризиса в российской экономике в ней проводились многочисленные параллели с тенденциями в Европе и США. Зюганов высказывал идею о том, что России стоит последовать примеру современного мира и ввести умеренный протекционизм, стимулировать спрос на внутреннем рынке путем увеличения денег в обращении и бросить вызов мировой экономике с помощью конкурентной борьбы за сектора в международной торговле оружием и высокими технологиями. Подчеркивая, что монетарная политика и ограничение государственного контроля над национальной экономикой противоречат международным тенденциям, Зюганов протягивал «ветвь мира» российскому бизнесу и предлагал создать акционерные компании, в которых большинство акций принадлежало бы государству, а налоговая политика была бы либеральной.

В то время как зюгановская версия программы обнаруживала намеки на попытки модернизации, другая версия была намного более популистской и – в русле ФНС – была представлена не как «программа», а как открытый проект для обсуждения «гражданами Российской Федерации»⁷². Действительно, самому проекту был характерен дискурс, который идейно находился между «левоцентристской» риторикой (например, утверждалось, что патриоты создадут многоукладную экономику и разрешат смешанные формы собственности, чтобы повысить спрос на внутреннем рынке) и культурно-националистической мифологией (говорилось, например, о том, что коллективные ценности российского народа уравновесят рационально-индивидуалистическое мировоззрение Запада)⁷³. Таким образом, модернизационные ключевые слова вроде «устойчивое развитие» шли рука в руку с романтическими представлениями о мировой миссии России. Патриоты продвигали программу действий на 15 лет; она подразумевала активное участие государства в привлечении капитала в национальную промышленность и восстановлении России в качестве мировой империи в сфере международной политики. Целью было не только возрождение великого российского отечества, но и достижение подлинно экологического развития и гармоничной жизни с природой всего человечества⁷⁴. Популистская версия коалиции КПрФ явно противоречила центральным экономическим идеям зюгановской программы. Если Зюганов пытался убедить частный банковский сектор в том, что патриотическая политика

⁷¹ Независимая газета. 1996. 25 мая; От разрушения к созиданию. Путь России в XXI век // Советская Россия. 1996. 28 мая.

⁷² Лестер предполагает, что экономическая программа КПрФ «по тону и сущности» не так отличалась от ельцинской, но он не уточняет какую из двух версий он имел в виду. Представляется очевидным, что «популистская» версия ни в коем случае не напоминала ельцинскую программу. См. Lester. *Overdosing on Nationalism*. P. 46.

⁷³ От разрушения.

⁷⁴ Там же.

не будет вмешиваться в частный сектор, то в популистской версии открыто утверждалось, что над частными банковскими структурами будет установлен строгий национальный и государственный контроль. Более того, в ней говорилось о прекращении заимствований из Всемирного банка; вместо заимствований должен был быть создан российский банк реконструкции и развития.

Однако в обеих версиях было одно общее: левоцентристский подход не был центральным вопросом ни в одной из них. Фраза «многоукладная экономика» на самом деле не подразумевала приватизацию земли. Каждый раз, когда КПРФ и внешнее поле оппозиции употребляли слово «собственность», они говорили о коллективной, а не индивидуальной собственности. Следовательно, единственной формой «приватизации», которая допускалась в ранних проектах программы КПРФ, была та, которая предположительно подразумевала и защищала «общенародную собственность»⁷⁵. Более того, в программе-минимум КПРФ запрещалась любая приватизация земли и природных ресурсов и довольно расплывчато утверждалось о том, что земля «принадлежит тем, кто работает на ней»⁷⁶. Говоря более ясным языком, это означало, что приватизации следует препятствовать всеми возможными способами. Лидеры КПРФ заявляли, что они всеми возможными средствами положат конец приватизации и сохранят землю в национальной общенародной собственности, а также будут требовать широкой правительственной поддержки развития сельского хозяйства и животноводства⁷⁷.

Таким образом, разница между двумя версиями имела не столько идеологическое содержание, сколько отражала стратегию смягчения противоречий между президентской кампанией внешней коалиции и коллективистским подходом КПРФ. Как упоминалось выше, существовало некоторое несоответствие между статусом КПРФ как партии трудящихся и тем фактом, что она поддерживала кандидата в президенты. Более того, именно по этим причинам она подверглась шквалу критики, в частности, со стороны Анпилова (РКРП), который после скандала с приватизацией норильского «Норникеля» в феврале 1996 года потребовал экспроприации приватизированной собственности и отмены всех рыночных реформ. Хотя Анпилов в целом поддерживал культурно-националистическую ориентацию коалиции (и именно поэтому и вступил в нее), он был крайне разочарован тем, что он считал «реформистским» имиджем КПРФ, и требовал, чтобы коалиция четко донесла банкирам послание народа⁷⁸. Используя имидж РКРП как партии трудящихся, ее руководство призывало к демонстрациям и уличным митингам, чтобы выразить народное недовольство курсом приватизации и обанкротившимся режимом.

Отвечая на вызовы слева, КПРФ была вынуждена использовать левоцентристскую риторику, но не изменила содержание своей программы. Купцов утвер-

⁷⁵ Независимая газета. 1995. 9 ноября.

⁷⁶ III съезд Коммунистической партии Российской Федерации. С. 111.

⁷⁷ Там же. С. 95.

⁷⁸ Экономическая программа Зюганова.

ждал, с одной стороны, что патриотический блок никоим образом не поддерживает революционный «перedel земли», но отстаивает одобренные принципы многоукладной экономикой и различных форм собственности. Однако, с другой стороны, идеал «национальной общенародной собственности» оставался в неизменном виде.

Президентская кампания никоим образом не прояснила двусмысленную природу адаптации КПРФ к либерально-демократическим идеалам. Напротив, складывается впечатление, что президентская кампания подтвердила правоту слов Саквы, который говорил, что акцент культурно-националистического руководства КПРФ на необходимости реализации идеи национального развития противоречил принцип социал-демократии⁷⁹. Вопрос был уже не в том, поддерживала ли КПРФ демократию, смешанные формы собственности, многоукладную экономику и многопартийную систему. Что, помимо прочего, показала кампания 1996 года, так это то, что культурно-националистическая фракция упрочила контроль над структурами КПРФ и устранила любые намеки на «социализм», который еще оставался в идеологии партии с момента ее реорганизации в феврале 1993 года. Более того, консолидация левых сил произошла не на базе четко выраженной социалистической программы, и не на основе возрождения ленинизма. Это, прежде всего, консолидация вокруг консервативных, культурно-националистических ценностей и идей. После президентских выборов культурно-националистический курс стал еще более заметным в структурах КПРФ, в результате чего в сфере международных отношений была сформулирована политика намного менее «примирительная», чем та, о которой во время предвыборной кампании говорилось как о «предсказуемой» и «слева от центра».

После президентских выборов: победа культурного национализма

Поражение Зюганова, вопреки многим прогнозам, не имело каких-либо серьезных последствий для внутренней структуры коалиции КПРФ. Конечно, поражение вызвало отход от коалиции небольших левых и правых групп. Радикальная РКРП вышла из патриотического электорального альянса на том основании, что КПРФ заблокировала уличную агитацию и митинги, а за Анпиловым последовал лидер РОС Бабурин, который оспаривал лидирующую роль КПРФ в патриотической коалиции. Однако обе эти группы с самого начала испытывали сомнения по поводу вхождения в патриотический альянс, и их выход не имел заметного влияния на положение КПРФ в патриотической коалиции. Спустя лишь несколько недель после поражения, патриотическая электоральная коалиция преобразовалась в иную патриотическую зонтичную организацию – Народно-патриотический со-

⁷⁹ Sakwa. *Left or Right?*. P. 148.

юз России (НПСР), основанный в августе 1996 года для мобилизации поддержки патриотических кандидатов на выборах губернаторов.

По мнению Лестера, не было никаких указаний на то, что образование НПСР было «дальнейшей попыткой похоронить КПРФ»⁸⁰. Напротив, Зюганов победоносно вернулся в структуру КПРФ, заявляя о том, что, несмотря на фальсифицированные результаты выборов, «в России всегда будет сильная левая партия»⁸¹. Вопреки «антикоммунистической» кампании президентской команды, «фарсу» выборов и «медиа-технологиям подавления» воли электората, говорил Зюганов, КПРФ получила огромную поддержку 30 миллионов избирателей, которые противостояли «зловещему давлению сверху» и следовали высокоморальным нормам патриотизма и принципам «России, Родины и народа»⁸².

Забвению была предана не структура КПРФ, а надежды на то, что она преобразуется в более социал-демократическую и менее националистическую партию. Хотя Зюганов с гордостью называл КПРФ «левой партией», образование НПСР никоим образом не обозначало триумф социализма или подходов «слева от центра». Наоборот, это подтвердило главенство Зюганова в КПРФ и во внешнем поле патриотической оппозиции, а также конечную победу его культурно-националистической стратегии и ценностей. Действительно, члены коалиции поклялись следовать «левоцентристским» принципам, таким как демократическое поведение, посредничество в решении социальных конфликтов и конструктивная парламентская оппозиция. Сам Зюганов открыто заявлял, что текущая ситуация в российской политике характеризовалась двухполюсной структурой, которая может развиваться в двухпартийную систему, и что НПСР был одним из этих полюсов – левым и патриотическим, а фракция КПРФ в Думе подтвердила данный тезис, поддержав кандидатуру Черномырдина⁸³. Более того, лидер КПРФ осудил уличные митинги и «истеричный радикализм» и поддержал конструктивную парламентскую работу. Призывая к национальному единству, Зюганов твердо стоял на том, что оппозиция должна избрать энергичный, наступательный стиль работы и осознать, что существующий политический режим являлся более прагматичным, чем два-три года назад⁸⁴.

Однако дальнейшая стратегия коалиции находилась в руках культурно-националистической инициативной группы, которая поддержала кандидатуру Зюганова. Член «РАУ-Корпорации» Подберезкин продолжал переговоры с частными банками и уговаривал такие издания, как Независимая газета, поддержать патриотов⁸⁵. В то же время, он активно добивался поддержания партийной дисциплины

⁸⁰ Lester. *Overdosing on Nationalism*. P. 48.

⁸¹ Зюганов Г. В России всегда была, есть и будет сильная левая партия // Независимая газета. 1996. 2 августа.

⁸² Там же.

⁸³ Зюганов. Россия. С. 15.

⁸⁴ Там же. С. 9.

⁸⁵ Коротченко И. НПСР намерен создать аналог «Независимой газеты» // Независимая газета. 1996. 8 августа.

лины в рядах патриотической коалиции. В декабре 1996 года он обрушился с критикой на «истеричных радикалов» анпиловской и бабуринской фракций, и пришел к выводу, что стратегия парламентской и электоральной борьбы оппозиции была успешной и что общественное мнение постепенно склонялось к курсу, избранному КПРФ и лидером оппозиции Зюгановым⁸⁶. Высмеивая своих оппонентов как сторонников восстановления марксизма, Подберезкин отвергал старомодную стратегию, подразумевавшую разделение общества на «угнетенный пролетариат и экономическую элиту», указывая на тот факт, что восстановление коммунизма в современной России невозможно⁸⁷.

Обвинения в «восстановлении марксизма» были неактуальными. Основным лейтмотивом в критике Бабурина было нечто противоположное, а именно то, что решение позволить коммунистам возглавить патриотическую оппозицию было главной ошибкой в президентской кампании. Как полагал Бабурин, после запрета Коммунистической партии в 1991 году, многие коммунисты нашли «убежище» в патриотическом движении, чтобы не утратить свои позиции⁸⁸. Таким образом, по его мнению, коммунисты сорвали создание мощной и независимой патриотической альтернативы коммунизму и извратили «идею коалиции народных и патриотических сил»⁸⁹. Бабурин также критиковал то, что он считал зарождающейся двублоковой системой. Как он утверждал, Государственную Думу стали называть «штабом оппозиции», но это не соответствовало действительности. По его мнению, Дума нового созыва, в которой левые и патриотические силы были намного слабее, была намного более воинственной и непреклонной по отношению к правительству и президенту⁹⁰.

Бабурин, конечно же, имел амбиции возглавить свою собственную патриотическую коалицию, и его критику следует рассматривать именно в этом контексте. Важным здесь является то, что проблемой в отношениях между различными фракциями коалиции был не марксизм, а, скорее, борьба за контроль над «патриотическим» арсеналом политической риторики. Ярлык «марксизм» использовался как средство унижения политических противников, а не в качестве идеологической силы, с которой следует считаться. Другими словами, консолидация КПРФ после президентских выборов проходила под знаменами культурного национализма. Станным образом, это в то же самое время сделало коалицию КПРФ более «центристской», менее «левой», но едва ли менее бескомпромиссной. Осенью 1996 года КПРФ продолжила свою кампанию против большого Ельцина и немногих оставшихся реформаторов первой волны в правительстве. При

⁸⁶ Подберезкин А. Левая оппозиция и власть // Независимая газета. 1996. 11 декабря.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Бабурин С. Оппозицию не должны возглавлять коммунисты // Независимая газета. 1996. 14 августа.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

этом критика была направлена не столько на экономику и приватизацию, сколько на вопросы внешней политики и культурной идентичности.

Культурно-националистическое мировоззрение

Каким образом культурно-националистическое мировоззрение определяло политические решения КПРФ после президентских выборов? Прежде всего, нам следует рассмотреть сущность это мировоззрения. Как отмечал Саква, некоммунистическое мировоззрение «пронизано идеей агента в истории»⁹¹. Данный конструкт помещает движущую силу в российской истории, которая объясняет причину страданий русского народа на протяжении столетий революций и волнений. Культурно-националистическое руководство КПРФ разработало концепцию «освободительной борьбы России» – понятие, подразумевающее непрерывную историческую линию от собрания земель вокруг московского княжества при Иване Грозном до революции 1917 года и большевистского освобождения России из «рабства западного капитализма»⁹². Среди центральных положений это модели является предположение о том, что Россия представляет собой духовный и территориальный бастион против капитализма, а революция 1917 года была актом национального спасения, благодаря которому духовные ценности православия и народные общественные идеалы были защищены от вторжения иностранного капитала и чуждого уклада жизни. Согласно этой модели, сущностью российской традиции является православная духовность, иерархия и повиновение, сильное и постоянно присутствующее государство, а также бесконфликтное общество, не разделенное на группы интересов.

Говоря о будущем социальном идеале возрожденной России, Зюганов и Подберезкин – два главных культурно-националистических идеолога – активно обращались к византийскому историко-утопическому идеалу «симфонии властей» – гармонии между государством, народом и церковью. Этот принцип наделялся телеологическим качеством, он был «естественным» путем развития России и находился в дисгармонии с внешними попытками «либерализировать» общество. Именно здесь Зюганов откровенно порывал со всеми марксистскими принципами и утверждал, что классовые интересы были введены гайдаровскими западниками и что они являются чуждыми особому историко-культурному пути России⁹³.

Главным принципом культурно-националистического мировоззрения является идея о том, что государство занимает особое место в характере русского народа и его историческом прошлом. Быть носителем русской национальной идентично-

⁹¹ Sakwa. *Left or Right?* P. 146.

⁹² Подберезкин А. Через духовность – к возрождению Отечества // *Свободная мысль*. 1995. № 5. С. 96.

⁹³ Зюганов. *Россия*. С. 140.

сти – значит принадлежать к российскому государству и быть частью истории российской государственности. Следовательно, как указывает Саква, это мировоззрение делает акцент «скорее на патриотических, чем националистических принципах»⁹⁴. Следует отметить, тем не менее, что дискуссия о том, основывается ли национальная идея патриотов на этнической модели (русские) или на гражданской (россияне), является отчасти неактуальной. Ключевым понятием в обоих аспектах является государственный контроль, а не право на национальное самоопределение.

Более того, довольно специфическими являются государственнические взгляды культурных националистов. Подчеркивая значение государства в российской истории и ментальности, культурные националисты избегают какого-либо обсуждения режимов и институтов. Государство представляется не только средством социальной организации, но и духовным принципом. По словам Подберезкина, российская государственность является духовным принципом, определяемым его противоположностью западному принципу свободы⁹⁵. Другими словами, культурные националисты полагают, что «народным духом» является не нация, а государство, причем государство считается следствием особой культурной ментальности, набора врожденных народных установок. Как писал Подберезкин, русская нация состояла в исторической преданности русского народа идее государственности. Жесткая государственная централизация является процессом, который был инициирован самим русским народом посредством добровольного подчинения государственному контролю аполитичного и анархичного характера народного русского духа⁹⁶.

Идея о том, что существует фундаментальное единство между национальным характером народа и государством, образует важную часть «понятия агента», указанного выше. Культурные националисты считают, что Россия обладает совершенно определенным историческим прошлым. Культурные националисты декларируют, что Россия никогда не была местом противоречивых интересов. История представляется гармоничной и неразрывной. Как утверждал Зюганов, из истории нельзя вырвать отдельные события и факты, так как она выше «жонглирования фактами», поэтому ее нельзя «переписать»⁹⁷. Такие исторически переломные моменты, как революция 1917 года и подъем Советского Союза, изображаются в качестве элементов коллективной памяти народа и, следовательно, являются неотъемлемой частью органического единства между государством и людьми. По словам Подберезкина, «сегодня для народов бывшего СССР, в конечном итоге, стало ясно, что все мы живем в едином культурно-духовном пространстве, с которым история всей России тесно связана. Мы не можем подхо-

⁹⁴ Sakwa. *Left or Right?* P. 139.

⁹⁵ Подберезкин. *Через духовность*. С. 92.

⁹⁶ Там же. С. 89.

⁹⁷ Зюганов. *Россия*. С. 212.

дять к каждому периоду этой истории эклектично, то же касается советского периода»⁹⁸.

Разумеется, культурные националисты часто неспособны объяснить источник внутренних кризисов в России. Здесь они колеблются между очевидным незнанием исторических фактов и мрачным прославлением прошлого. Когда Зюганов касался проблемы различных Смут в российской истории, таких как классовое разделение в дореволюционной России или разделение на новообрядцев и старообрядцев в Русской православной церкви, он расплывчато говорил о том, что все эти «конфликты должны разрешиться» в будущем⁹⁹. Возможно, именно в этом духе Зюганов полагал, что Сталину не хватило всего пяти лет, чтобы сделать свою «идеологическую перестройку», а именно русификацию Советского Союза, необратимой¹⁰⁰.

Каковы территориальные границы «культурно-духовного пространства» культурных националистов? Так как советский период рассматривается как всего лишь очередная стадия борьбы за русское освобождение, культурные националисты не считают Российскую Федерацию в нынешних границах долговечным явлением. Для них Россия представляет собой стержень евразийского континентального блока. Единство этого блока уходит своими корнями не только в историческую миссию и слияние нескольких народов в одну уникальную цивилизацию. Его единство является также функцией его интересов, которые находятся в противостоянии с интересами «атлантической сверхдержавы» (США) и европейской «атлантической сферы»¹⁰¹. Как писал Зюганов, «империя – исторически и геополитически обусловленная форма развития Российского государства», а будущая Россия является «наследницей идеи Москвы как Третьего Рима»¹⁰².

Делая акцент на относительном непостоянстве русского духа, культурные националисты не уточняют, в чем состоят территориальные претензии будущей России. Их риторику можно проанализировать в терминах концентрических кругов. Внутри (в СНГ) проблема пространства изображается как проблема сконструированной общей культурной идентичности – территориальные споры здесь не играют роли. Очерчивая же внешнюю границу этого сообщества, они утверждают, что в Европе существует ментальный барьер, где индивидуализм Запада сталкивается с коллективизмом Востока. Более того, обсуждая пространство СНГ, культурные националисты говорят о «добровольной» реинтеграции стран СНГ в новый российский Союз. Здесь важными риторическими элементами являются аргументы об «общем наследии», «безграничной терпимости русского народа» и «миссии России». Показательно, что аспект российской государственности как сути русской идентичности намеренно затушевывается, чтобы не ос-

⁹⁸ Подберезкин. Через духовность. С. 91.

⁹⁹ Зюганов. Россия. С. 212.

¹⁰⁰ Там же. С. 143.

¹⁰¹ Там же. С. 50.

¹⁰² Там же. С. 223.

корбить другие государства в пространстве СНГ. Напротив, культурные националисты говорят в терминах «цивилизации», внешнем концентрическом круге «ментальной и исторической однородности»: «Мне уже приходилось писать, что с точки зрения исторической Россия является не государством, а цивилизацией, принимавшей в различные эпохи разные государственные формы, существовавшей в разных границах, с разным общественно-политическим устройством, но всегда остававшейся неистребимо самобытной и внутренне, духовно самодостаточной. [...] Геополитическая роль России – это роль хранителя уникального многоцветия сообщества народов и государств»¹⁰³.

Утверждение о том, что российская государственность коренится в духе народа, включая тех безгосударственных русских в ближнем зарубежье, и идея Зюганова о том, что Россия, в сущности, является не государством, а цивилизацией, являются новый аспект термина «государственник», предложенный, в частности, Саквой. Сам Зюганов исповедует идею кочевнического государства для лиц без государства – несуществующее, потенциальное государство, которое – как миф о Китеж-граде, столь часто культивируемый в националистическом символическом воображении – поднимется из обломков Советского Союза и возникнет вновь в отдаленном или близком будущем. На всем протяжении этой статьи я говорил о культурном измерении данной утопии, относящейся к русской цивилизации, а не к русской нации или российскому государству. Культурный национализм является идеологической силой, которая стремится к легитимации не в интересах нации или государства, но от лица изменчивой культурно-исторической сущности.

Каким образом можно поддержать эту сущность? Ответ прост: внутреннее единство рассматривается как «органическое», «культурное» и «народно-демократическое» – понятия, которые подтверждают образ западной культуры как «агрессивной», «деструктивной» и «злонамеренной». Например, Зюганов пишет о том, что он дает «научный» анализ исторического периода, начиная с горбачевской Перестройки до ельцинских реформ¹⁰⁴. Изображая борьбу за власть в российской элите как процесс из пяти стадий – раскол, конфликт, тупик, взрыв и обвал – Зюганов намекает на «заговор против России», организованный анонимным «режиссером». Этот «режиссер» санкционировал президентскую диктатуру для того, чтобы убрать «патриотов» с политической сцены. Он осторожно манипулирует игрой, выбирает союзников из игроков, определяемых как «космополитические демократы», и использует средства массовой информации для эскалации политического конфликта. Более того, он определяет не только правила, но и язык игры. Он навязывает игрокам искусственные «западные» крайности, такие как «коммунизм – демократия, космополитизм – национализм, рынок

¹⁰³ Зюганов Г. Смута // НГ-сценарии. 1996. 17 октября.

¹⁰⁴ Зюганов. Россия. С. 76-92.

– план». По заключению Зюганова, все это делается для того, чтобы «устранить Россию с геополитической арены»¹⁰⁵.

Начиная с президентских выборов, культурно-националистические принципы были ориентиром для взглядов думской фракции КПРФ на внешнюю политику. Подберезкин, в должности спикера КПРФ по внешней политике, заявлял, что России следует отказаться от всех попыток компромисса между «российской государственной безопасностью» и адаптации России к западным ценностям¹⁰⁶. По его мнению, российская внешняя политика должна строиться на основе четко определенных национальных интересов и исторической преемственности российской и советской империй. Эти идеи воплотились в предложении думской фракции КПРФ отложить ратификацию договора по СНВ-II на том основании, что он является «неравноправным и в целом наносит ущерб национальной безопасности страны»¹⁰⁷. Договор был подписан в тот момент, когда у России не было доктрины национальной безопасности, поэтому, по заключению Подберезкина, его следует признать утратившим законную силу¹⁰⁸.

КПРФ также обрушилась с критикой на президента за непринятие доктрины национальной безопасности. Ссылаясь на принцип «парламентского контроля» и попытки КПРФ сформировать некоторый внепарламентский альянс с Советом Федерации, Подберезкин предположил, что процесс разработки доктрины национальной безопасности необходимо вывести из-под руководства Совета Безопасности и поручить органу, подконтрольному Совету Федерации и Государственной Думе¹⁰⁹. На практике это подразумевало внесение изменений в Конституцию 1993 года, так как решения по безопасности и внешней политике находились исключительно в сфере президентских полномочий. В качестве еще одного подтверждения двусмысленности КПРФ и патриотической коалиции, постоянные заверения в том, что объединенная оппозиция будет бороться за власть конституционными способами, не обозначали, что оппозиция довольна существующими конституционными нормами¹¹⁰.

Расширение НАТО было зерном для мельницы культурного национализма. Подберезкин считал, что россиянам не следует расстраиваться относительно устойчивости НАТО по поводу «поглощения выгодных стратегических рубежей и наращивания военных мускулов у границ нестабильного государства», так как

¹⁰⁵ Там же. С. 77.

¹⁰⁶ Подберезкин А. Геостратегическое положение и безопасность России // Свободная мысль. 1996. № 7. С. 86-101.

¹⁰⁷ Там же. С. 95.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Подберезкин А. Вызовы безопасности России // Свободная мысль. 1996. № 12.

¹¹⁰ Предложенная альтернатива Совету Безопасности под парламентским контролем не была реализована, но КПРФ и культурно-националистическая оппозиция получили доступ к Экспертному совету по национальной безопасности, который проходил под руководством председателя Государственной Думы Селезнева. По всей видимости, в центре внимания этого органа находились проблемы, касающиеся иностранных инвестиций в российские промышленные предприятия. См. Независимая газета. 1998. 15 июля.

«вновь возникающая атмосфера "осажденной крепости" способна объединить россиян крепче, чем многочисленные заверения Запада в миролюбии или документы об общественном согласии»¹¹¹. Зюганов также активно использовал проблему расширения НАТО и связывал ее с религиозной символикой, чтобы привлечь внимание военнослужащих. Он выступал за укрепление гордости и повышение престижа вооруженных сил и сил безопасности, чтобы они могли «противостоять глобальному натиску Запада по всем направлениям – от военного до религиозного»¹¹². Упомянутый здесь «религиозный натиск» обозначал протестантскую этику и дух капитализма, или, по словам Зюганова, «причудливую смесь элементов протестантизма, иудаизма и язычества», связанных с «оголтелым индивидуализмом»¹¹³. По мнению культурных националистов, русские отвергали этот дух не единожды, в последний раз – во время революции 1917 года, когда в отвержении капиталистической системы проявился «глубоко религиозный смысл Октябрьской Революции»¹¹⁴.

КПРФ и культурные националисты: будущие перспективы¹¹⁵

Политические партии невозможно изучать отдельно от времени и пространства; они реагируют на политический климат и приспосабливаются к нему. В этом процессе этап формирования партии является ключевым в определении ее политического характера и деятельности в долгосрочной перспективе¹¹⁶. Как показывает эта статья, КПРФ возродилась как стабильная организация, но в настоящее время играет двойственную роль в постсоветской политике. Ее основные характеристики описаны выше: партия пытается объединить «парламентскую» стратегию «слева от центра» с культурно-националистической идеологией. Она приняла решение работать в пределах существующей конституционной системы, но имеет амбиции в будущем изменить эти основы. Партия приняла «русскую» идентичность, но, по всей видимости, желает возродить транснациональную идентичность в «советском» стиле с отсылками на непрерывную историю России. По ее мнению, эту «Россию» можно описать в терминах духа и территории, где под духом подразумевается православие, государственность и народность, а под территорией – распыленный организм «безгосударственных» русских и государств, которые культурно и исторически тяготеют к России.

Несмотря на то, что двусмысленность и программная непоследовательность доминируют в КПРФ, партия преодолела их посредством тесного сотрудни-

¹¹¹ Подберезкин. Вызовы безопасности России. С. 64.

¹¹² Зюганов Г. Уроки истории и современность // НГ-сценарии. 1997. Ноябрь.

¹¹³ Он же. Россия. С. 127.

¹¹⁴ Подберезкин. Через духовность. С. 92.

¹¹⁵ С точки зрения 1999 г. – прим. редакции.

¹¹⁶ Panebianco. Political Parties. P. 49-52.

чества с патриотической коалицией. Через относительно «либеральное» патриотическое объединение партий и групп поддержки внутренние трения были улажены и смягчены. Коммунистические ценности сохранились в «большой партии» – всеохватной структуре патриотической коалиции, а организационное ядро, т.е. КПРФ, «колонизировало» нижнюю палату парламента и использовало свою мощь для влияния на более мелкие партии в коалиции. Объединение новых профессиональных и политических организаций в широкий буфер патриотов является, по всей видимости, продуманной долгосрочной стратегией КПРФ. Осенью 1997 года Зюганов попытался увеличить сферу своей широкой передовой стратегии и добивался расположения представителей якобы «неполитического» Движения в поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки, основанного в сентябре 1997 года ныне покойным Львом Рохлиным – офицером и перебежчиком из правительственного блока «Наш дом – Россия», а также бывшим министром обороны Игорем Родионовым, которого Ельцин снял с должности в июне. После того, как Рохлина застрелили в июле 1998 года, движение стало напрямую сотрудничать с КПРФ при посредничестве его нового председателя Виктора Илюхина – члена думской фракции КПРФ и председателя Комитета по безопасности¹¹⁷. Более того, в июле 1998 года КПРФ повысила свое влияние до уровня СНГ, после того как Зюганова избрали председателем Союза патриотических сил СНГ и стран Балтии¹¹⁸.

Сможет ли КПРФ расширить свой электорат – остается открытым вопросом. Культурно-националистическая платформа, вне всяких сомнений, сблизила КПРФ – говоря популистским языком – «с народом», но в отношении популярных националистических идеологий можно сказать то, что это поле сегодня является перенасыщенным, так как конкурирующие партии, блоки и даже ельцинский режим – все они претендуют на право называться носителями некоей природной национальной идеи¹¹⁹. Тем не менее, можно сказать, что, если российские западники испытывали показательный недостаток идей относительно природы русской нации и как эта национальная идея должна реализовываться в отношении так называемого ближнего зарубежья и международного сообщества, то культурные националисты в этом смысле были особенно изобретательными. Их стратегией было не половинчатое «с грехом пополам» (как это было в случае с ельцинским режимом), а продвижение сознательной идеологии, сопровождаемой исключительными организационными способностями¹²⁰.

¹¹⁷ Илюхин относился к радикальному крылу структуры КПРФ и являлся главным сторонником импичмента президента Ельцина за «государственную измену» (ропуск СССР), см. Независимая газета. 1998. 21 июля.

¹¹⁸ Независимая газета. 1998. 9 июля.

¹¹⁹ Lester. *Overdosing on Nationalism*. P. 50.

¹²⁰ Детальное описание «зигзагов» Ельцина см. в Skak M. *From Empire to Anarchy*. L., 1995. P. 144-170. Ельцин продолжал стратегию «с грехом пополам» в отношении национальной идентичности на протяжении 1996-1997 гг. Советник президента по национальной безопасности Юрий Батулин в июне 1996 года передал свой пост Александру Лебедю, не закончив рабо-

Здесь важными будут оставаться отношения между внутренним ядром КПРФ и внешним полем оппозиции. Пока Зюганову удавалось сохранять позицию лидера и там, и там, и тот факт, что его избрали председателем Союза патриотических сил СНГ и стран Балтии, по всей видимости, означает, что он станет будущим кандидатом в президенты от объединенной левой оппозиции. Мы не хотим сказать, что у него не будет соперников. На выборах московского мэра в конце 1997 года Подберезкин основал отдельный электоральный альянс под названием «Моя Москва» в поддержку действующего мэра Юрия Лужкова – еще одного возможного кандидата в президенты¹²¹. Что из этого реально следует, тем не менее, остается неясным. Возможно, «Моя Москва» является еще одним детищем широкой фронтальной тактики Зюганова. В действительности, Подберезкин подчеркивал тот факт, что он получил «карт-бланш» от руководства НПСР на создание неидеологической и некоммунистической стратегии; кроме того, он получил поддержку от КПРФ, а также от «Духовного наследия», РОС, АПР и группы ветеранов Афганистана «Афганцы»¹²².

Как отмечал Саква, постсоветская «политическая непредсказуемость» может быть специфическим случаем для анализа на многие годы¹²³. Отдельным аспектом постсоветской переходной аномалии является то, что построение стабильных и последовательных политических партий и блоков представляется менее эффективным в сегодняшней России, чем создание широких – а иногда и чисто «символических» – альянсов, основанных на базе совместных публичных выступлений на массовых митингах и рукопожатиях под прицелами камер. Подобная ситуация затрудняет оценку степени «трансформации» отдельного объекта. С одной стороны, можно с уверенностью сказать, что структура КПРФ оставалась стойким игроком в период постсоветских политических перемен, и, по всей видимости, занимает сегодня уникальное политическое положение. Более того, пока стратегия широкого фронта остается успешной, культурным националистам в КПРФ вряд ли смогут бросить вызов соперники с идеологией, основанной на умеренном или модернизированном марксизме¹²⁴. Как было показано выше, левоцентристскому аспекту КПРФ придавалось особое значение только тогда, ко-

ту над данной концепцией, а Лебедь находился в должности слишком коротко, чтобы произвести какой-либо осмысленный материал. Ельцинская администрация попыталась восполнить этот пробел, пригласив ученых, обычных людей и политиков обсудить «русскую идею» в правительственной *Российской газете*. Победитель был выбран в 1996 году, а официальная доктрина по национальной безопасности была принята в декабре 1997 года. Тем не менее, консенсуса по «национальной идее» не существует, см. Стратегия России в XXI веке: анализ ситуации и некоторые предложения (стратегия-3) // Независимая газета. 1998. 18 июня.

¹²¹ А. Подберезкин: В нашем блоке нет партийной идеологии // Независимая газета. 1997. 13 сентября.

¹²² Там же.

¹²³ Sakwa. *Left or Right?* P. 150.

¹²⁴ Урбан и Соловей подчеркивали разницу между стратегиями Зюганова и Купцова после президентских выборов. Тем не менее, очевидно, что Купцов разделяет фронтальный подход Зюганова и что между ними не было бы серьезной конфронтации. См. Urban, Solovei. *Russia's Communists at the Crossroads*. P. 180-181.

гда подвергалась сомнению роль КПРФ в широкой фронтальной коалиции. Поддержка КПРФ многопартийной системы, политического плюрализма и парламентской демократии, таким образом, зависит от контекста в том смысле, что она нужна лишь для опровержения обвинений в том, что КПРФ является монополистической политической силой.

Так, ценностная система культурного национализма не только воспрепятствовала восстановлению марксизма, но и помешала социал-демократизации КПРФ. В целом тот факт, что КПРФ соглашалась в конце 1990-х гг. на широкую фронтальную коалицию, которая делала ударение на национальных интересах и государственном единстве и призывала к объединению перед неким внешним врагом, являлось очевидным пережитком государственной идеологии бывшей КПСС. «Патриотическое единство» обозначает отсутствие интересов, как классовых, так и узких партийных. В этом смысле победа культурно-националистических ценностей оппозиции под руководством КПРФ в очередной раз подтвердила своеобразную модель, сложившуюся после окончания «холодной войны», согласно которой бывшие коммунисты становятся яркими националистами для сохранения своего видения бесконфликтного общества.

(Перевод с английского: Антон Шеховцов)